Интеллектуально-исторический роман М. Юрсенар «Мемуары Адриана»: моделирование жанрово-тематического комплекса

Н. В. Соболева

*(Московский педагогический государственный университет)**

Статья посвящена проблеме специфики жанра интеллектуально-исторического романа в XX в. на примере романа М. Юрсенар «Мемуары Адриана». В произведении анализируется механизм моделирования исторической реальности в художественном произведении о прошлом, вычленяются типологически значимые компоненты романного мышления, обозначаются жанровые доминанты данной модификации романа.

Ключевые слова: роман, интеллектуальный жанр, история, воспоминание, художественный образ, культурная доминанта, категория времени, читательское ожидание.

Intellectual and Historical Novel «Memoirs of Hadrian» by M. Yourcenar: Patterning of Genre and Thematic Complex

N. V. Soboleva

(Moscow Pedagogical State University)

The article covers the problem of genre peculiarity of intellectual and historical novel in the 20th century by the example of M. Yourcenar's novel «Memoirs of Hadrian». The author analyzes the mechanism of modeling of historical reality in a literary work about the past and singles out typologically significant components of novelistic thought. The genre dominants of this novel modification are specified.

Keywords: novel, intellectual genre, history, reminiscence, imaginative character, cultural dominant, category of time, reader's expectation.

Вопрос о восприятии традиции на уровне жанра произведения приобретает особую значимость в разговоре о романе XX в. (романы А. Жида, М. Барреса, Ф. Селина, Т. Манна, Г. Гессе, Г. Броха, М. Юрсенар, Т. Уайлдера, М. Турнье, П. Акройда, П. Киньяра и др.), когда отсутствие целостной, единой парадигмы в литературе и искусстве приводит к формированию тенденции к «заимствованию» картины мира посредством художественного моделирования исторической и культурной эпохи, которая, с одной стороны, воспринимается как замкнутый внутри себя универсум, автономная система, а с другой — потенциально мыслится как категория, динамически развернутая и развивающаяся в диахронии.

По мнению современного исследователя французской литературы В. И. Пинковского, творчество сводится не только к созданию нового, но и к изменению и преобразованию старого, а определенный стилевой прием может в ряде случаев в некоторых произведениях быть и жанрообразующим (Пинковский, 2009).

Правомерно сказать, что перед автором повествования о прошлом, или исторического повествования, стоит особая задача: через культуру (опыт прошлого) найти и конституировать «утраченный смысл мира», где «воспоминание» становится не только нарративным приемом конструирования текста, но и категорией художественного мышления автора, где оно («воспоминание») мыслится

* Соболева Надежда Владимировна — ассистент, аспирант кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета, член международного центра исследований М. Юрсенар (CIDMY, Брюссель). Тел.: +7 (499) 132-46-47. Эл. адрес: saybl@list.ru

как способ обрести ускользнувшую истину через «припоминательное» свойство текста. Этот новый уровень художественного осмысления требует новых форм выражения, облекающих культурные обобщения качественно иного порядка. Как пишет Р. Барт в работе «Дискурс истории» (1966), «так повествовательная структура в процессе создания мифов и эпопей вымышленных рассказов становится знаком и одновременно доказательством реальности» (Барт, 2003: 433).

Можно говорить о том, что роман исторический отражает определенную, имманентную эстетической парадигме концепцию (явленную через органичное сочетание образа и понятия), идею времени, что прослеживается и в характере повествовательной структуры текста (на уровне архитектоники романа, где идея транспонируется через построение текста), и на уровне системы образов произведения (образы-мифологемы), и в сфере пространственно-временного континуума романа (время текста — время рассказа — время читателя).

Не случайно авторитетный французский литературовед Альберес называет XX в. периодом жанровой рефлексии, которая выразилась в форме романа и через роман (Albérès, 1959), выступающий как «конденсатор культурной памяти» и «генератор новых смыслов» (Лотман, 1996).

Следует также отметить, что именно в эпическом жанре происходит резкое смещение акцента романной доминанты с конфликта между героем и бытием (социально-психологический роман) на проблему категории времени, осознание различных свойств темпоральности: конечность — бесконечность, длительность — единомоментность, субъективность — объективность, линейность — цикличность, проблему относительности времени и бытования во временной протяженности тех или иных культурных смыслов, явленных в тексте, при этом событие мыслится как содержательная единица времени текста.

Факты истории и приемы художественной реальности создают зону напряжения между правдивостью, «историчностью» и вымышленностью текста. При этом в романе вымысел всегда доминирует, хотя главной целью романа исторического является воскрешение Истории (Hörman, 1996: 13).

На основании этого положения представляется целесообразным выделить понятие **зоны «пред-создания»**, зоны достраивания и приращения ассоциаций и смыслов уже внутри сферы читательского восприятия. Объем и масштаб этой зоны напрямую связаны с техникой автора, формирующей многомерность, «множественность» художественного образа, строящегося на основе взаимодействия с культурной традицией.

Образ, приобретая в общем контексте интеллектуализации литературы новый художественный статус, в историческом романном повествовании начинает строиться на амбивалентных отношениях конечности/бесконечности, оказываясь, с одной стороны, в пределах определенной жанровой границы, а с другой — стремясь эту границу преодолеть, выйти за пределы конкретной культурной и исторической закрепленности, он тяготеет к универсалии, формирующейся, в терминах К. Г. Юнга, на уровне коллективной памяти. Образы, как характеризует их М. Элиаде, являются «скважинами», ведущими в надысторический мир (Элиаде, 2000: 244).

Образ — это структура многомерная и динамическая, в произведении реализующаяся в различных ипостасях: это и образ слова, «интонации» языка, а следовательно, образ художественной формы, определяющий характер повествования, и образ «истины», истории (образ информации), и наконец, образ времени и эпохи (метафоры-маркеры эпохи).

При данных условиях приращение объема образа построено на собственных, личных ассоциациях читателя.

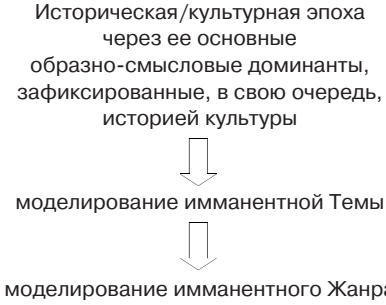
Исходя из этого положения можно говорить о новой валентности художественного образа в интеллектуально-историческом романе, где он выступает как формообразующая и смыслообразующая единица одно-

временно, становясь значимым сегментом структуры такого произведения, где все основывается на четкой выверенности стратегии построения романа как модели образа универсума, живого по своей художественной, эстетической сути, где основным двигателем текста становится двойственный процесс «сотворения — пересотворения», т. е. написания — чтения (интеллектуальное чтение как распознавание «загадки», скрытого замысла, потенции текста, а в широком смысле — акт распознавания можно трактовать и в плане метафизическом, как «узнавание» божественной, сакральной тайны автора, как творца своей собственной, художественной модели мира).

Итак, следует отметить, что основными приемами, организующими текст интеллектуально-исторического повествования, являются различные механизмы человеческой памяти: воспоминание (как воплощение интеллектуальной составляющей), припоминание (как воплощение сферы личного опыта), видение, сон (как совмещение опыта всеобщего и личного, частного).

Для автора интеллектуального повествования, историка становится важным передать тип мышления, сознание той или иной прошедшей эпохи, выстроить модель интеллектуальной ментальности, в том числе и за счет жанрового и идейного инструментария, имманентного этой культурной эпохе. М. Элиаде пишет в своей книге «Миф о вечном возвращении»: «Образы, архетипы, символы по-разному переживаются и оцениваются: результат этих разнообразных осмыслений составляет значительную часть «культурных стилей» (Элиаде, 2000: 243).

Представляется целесообразным графически выстроить последовательность этапов моделирования жанрово-тематического комплекса (см. рис.).



Правомерно сказать, что вся художественная система произведения становится подчиненной этой «жанровой детерминированности», будь то образный уровень, пространственно-временные отношения, структура повествования и т. д. Важно при этом отметить, что речь идет не о стилизации того или иного жанра, поскольку при стилизации на первый план выступает скорее функция искусственного синтезирования, чем моделирования и реактуализации художественной действительности через жанр.

В романах крупной французской романистки XX в. Маргерит Юрсенар («Мемуары Адриана», «Философский камень», «Anna, soror...», «Неприметный человек», «Прекрасное утро») образы времени и истории выступают как метафоры-маркеры той или иной культурной эпохи (Античность, Средневековье, Ренессанс), «закрепленные» в эпохе и эпохой в разных видах искусства и художественных системах. Например, монументальная архитектура античных храмов, выполненных в белом мраморе, соотносится стилистически с монументальностью и монолитностью характера повествования в «Мемуарах Адриана», определяет тип пейзажа (архитектурный) и преломляется в чертах личности главного героя Адриана (стоицизм, сильная воля, благородство, органичность и т. д.). При этом следует подчеркнуть, что Юрсенар не имеет дела с реальностью объективно мыслимой; романистку в большей степени интересует реальность, воспринятая культурным сознанием через интеллектуальную сферу; это скорее «суррогат» реальности, мыслимый через имманентный жанр.

Роман «Мемуары Адриана» (1951) рассказывает о жизни римского императора II века н. э. Адриана. Сам жанр произведения обозначен уже в заглавии — мемуары. Это не только предопределяет характер

и специфику повествовательной манеры, связанной с нарративной доминантой главного героя (повествование строится от первого лица), но и создает изначально читательскую установку, связанную с жанровым ожиданием.

Юрсенар, таким образом, еще в заглавии предвосхищает, в логике какого жанра будет раскрываться ее роман перед читателем, маркируя в названии жанровый контекст произведения.

Автор подчеркивает, что роман — это форма, являющаяся для современного писателя наиболее универсальной, поскольку она располагает неисчерпаемым арсеналом повествовательных и структурных компонентов, позволяющих словесной материи обрести новый художественный статус (Portman, 2002: 99).

Обосновывая выбор стратегии жанра и стиля «Мемуаров Адриана», в своем эссе «Тон и язык в историческом романе» (1972) Юрсенар подчеркивает важность передачи в произведении *подлинного звучания*, *«естественной» речи*, создания *«портрета голоса» (portrait du voix)* (курсив наш. — *Н. С.*) в требованиях и правилах, имманентных Античности.

Как пишет в своей диссертации «Проблема самопознания и формирования личности в романах М. Юрсенар» С. Д. Жиронкина, стремление представить определенный «угол зрения», образ мира подсказывало Юрсенар, что сделать это лучше всего через человека, предоставив персонажу говорить от собственного имени в духе того времени. Благодаря такому приему исторические события в произведениях Юрсенар становятся тем плодотворным материалом, используя который романистке удается так живо и глубоко выразить и личностно-событийое, и универсальное (Жиронкина, 2006: 97).

Однако именно через моделирование античной эпистолярной, мемуарной традиции Юрсенар достигает доподлинной историчности повествования в романе, проникновения и оживления словесной материи прошлого.

По словам историка культуры, литературоведа Г. С. Кнабе, мысль о том, что история и успехи Рима — не просто выражение роевой силы общины, а результат деятельности отдельных людей и что поэтому о таких людях можно и нужно рассказывать, дабы прославить ту же общину, складывается еще в III в. до н. э. (Кнабе, 2006: 275–276).

Соотношение и взаимосвязь категорий «личность» и «индивидуальность», характерные для античного Рима, наиболее полно воплотившие общественность, публичность, открытость полисного сознания, выразились в жанрах, тяготеющих к риторической эстетике (жизнеописания, хвалебные речи, письма, эпитафии и т. д.). Если главное в человеке — то, что его объединяет с согражданами, его общественная личность, а не его неповторимая индивидуальность, то и для самовыражения он ищет не особые, неповторимые, только его слова, а стремится выразить себя в соответствии с более или менее общими правилами. Не только по этическому и культурному самоощущению автора, но и по своей эстетике античное письмо было порождением полисного мира и в своем традиционном виде жило до тех пор, пока жив был этот мир (Кнабе, 2006: 287).

Важная параллель, возникающая в романе «Мемуары Адриана», — болезнь, телесный недуг императора — болезнь на теле Рима, «разрушение» организма Адриана — крушение прежних порядков, прежней политической системы. Такое сопоставление связано с рецепцией характерной черты античного самосознания, несмотря на их существенную утрату в римско-эллинистическую эпоху, публичность античного человека, его слитность с миром окружающим, органичная вписанность в миропорядок (Бахтин, 2000: 72).

Образы увядания, смерти восходят, как пишет Кайса Андерссон в своем труде «Тема смерти в четырех романах М. Юрсенар», в романе «Мемуары Адриана» к акватической символике (течение жизни — течение воды, приближение к смерти), приобретая статус мифологических универсалий (миро-

вой океан — время истории). Для Юрсенар использование акватических образов — это еще и способ выстроить концепцию времени и истории через диалог с античной философской моделью, в частности с философскими идеями времени Гераклита («умереть — это значит войти в другую воду»). Различные образы водной стихии являются здесь символами вечных изменений и обновлений истории, как беспрерывное чередование смерти и жизни (Andersson, 1989: 147).

Следует отметить, что привнесение архитектурного пейзажа, использование многочисленных приемов изображения и характеристики сквозь призму культурной традиции, создававшейся веками (скульптурные образы Антиноя, многочисленные аллюзии на «Илиаду» и «Одиссею» Гомера и т. д.), являют собой внешний уровень интеллектуального *зазора*, существующего в романе и дающего основание рассматривать «Мемуары Адриана» в контексте развития интеллектуальной литературы XX в.

Подводя итог, следует сказать, что интеллектуальное повествование предполагает некоторую степень жанровой условности и выверенности автором формы произведения, его «рамки», эстетическую ориентацию на прошлое как семантическую доминанту. Эти особенности проявляются в художественной установке на ретардацию, оформляющую смысловой корпус произведения. Исходя из этого, можно говорить о том, что интеллектуальное повествование, таким образом, провоцирует синтетичность жанровой природы, осложняя текст историческим компонентом, предполагающим, в свою очередь, собственный арсенал и самостоятельную систему форм. В основе интеллектуально-исторического романа всегда лежит «авторская» концепция истории. По сути, в этом ракурсе можно говорить об определенном инобытовании исторического дискурса («художественной истории»), в котором он лишается своей автономии и самостоятельности, приобретая дополнительные системные связи, переставая быть первоцелью, становясь способом выстраивания авторской, «мифологической» реальности художественного космоса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барт, Р. (2003) Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.

Бахтин, М. (2000) Эпос и роман. СПб.

Жиронкина, С. Д. (2006) Проблема самопознания и формирования личности в романах М. Юрсенар («Алексис», «Воспоминания Адриана», «Философский камень») : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж.

Кнабе, Г. С. (2006) Избр. труды. Теория и история культуры. М. ; СПб.

Лотман, Ю. М. (1996) Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.

Пинковский, В. И. (2009) Поэзия французского сюрреализма: проблема жанра : дис. ... д-ра филол. наук. М.

Элиаде, М. (2000) Миф о вечном возвращении. М.

Albérès, R.-M. (1959) L'Aventure intellectuelle du XXe siècle. P.

Andersson, K. (1989) Le «don sombre». Le théme de la mort dans quatre romans de M. Yourcenar. Uppsala.

Hörman, P. A. H. (1996) La biographie comme genre littéraire, Mémoires d'Hadrien de M. Yourcenar. Amsterdam.

Portman, T. (2002) Mémoires d'Hadrien — roman historique? // Bulletin publié par Sociéte internatioale d'etudes yourcenariennes. Tours. P. 89–104.